

Театральные Новые Известия

Театрал

№ 5(105) Май 2013

**Владимир
Этуш**

**Лариса
Голубкина**

**Шамиль
Хаматов**

**Сергей Проханов:
«Во сне я общаюсь
с Сальвадором Дали»**

Сергей Проханов: «Во сне я общаюсь с Сальвадором Дали»

Основатель и художественный руководитель Театра Луны Сергей ПРОХАНОВ говорит, что за двадцать лет руководства своим коллективом так и не вывел строгой формулы – какая постановка обретет успех, а какая нет. И уверяет, что в этом вопросе всегда полагается исключительно на свой режиссерский нюх. Сейчас он готовит очередную премьеру – «Дали и испанская королева из Казани», которой посвятил три года своей жизни. Жизнь великого мистификатора он изучил так подробно, что может книги писать. Однако решил ограничиться спектаклем...

– Сергей Борисович, Театр Луны отметил юбилей. Как вы себя ощущаете на этой волне? Возможно, есть чувство недосказанности? Хочется что-то преобразить?

– Недосказанности нет, а есть скорее некая тревога в связи с тем, что в июле 2013 года большинство российских театров переведут на когнитивную систему. Это неизбежно отразится на внутренней конфигурации репертуарного театра. И что ждать от такого перехода, пока остается только догадываться. Можно сказать одно: многие театры начнут сыпаться, поскольку никто не заинтересован кормить неудачников.

– Давайте сразу уточним, что речь идет о стремлении государства сократить расходы в сфере культуры, и пострадают прежде всего артисты, не занятые в репертуаре. Но Театру Луны, мне кажется, грех жаловаться. У вас молодой коллектив, все артисты при деле...

– Все эти новые конфигурации западного типа, мне кажется, только на благо театру. Просто я говорю о том, что любую реформу нужно проводить мягко, последовательно. У нас, например, в труппе 66 актеров, 9 человек работают на договоре, и еще двоих хотим взять. И тут важно понять свою ответственность перед этими людьми, ведь трудно предугадать, как чиновники поведут себя в дальнейшем: не призовут ли сокращать труппы. Это все равно что переезд на новое место. Вся жизнь обитал на земле и вдруг тебе говорят: а теперь, друзья, мы будем плавать. Ну плавать так плавать. Может, это будет большое увлекательное плавание.

– А какими качествами должен обладать худрук, чтобы вести этот корабль верным курсом?

– Качество одно. Оно называется нюх. Никакие строгие расчеты в нашем деле не помогут, поскольку все строится на ощущениях – мы рисуем дымом. Каждый вечер он разный и моментально рассеивается. И успех театра зависит лишь от того, какое впечатление на зрителя оказал этот «дым». В этом – главная загадка театра.

Когда появился кинематограф, все думали, что театр умрет. Но прошло больше ста лет, а театр по-прежнему жив. Потому что действие происходит здесь и сейчас, на наших глазах. И с холодным носом его играть

невозможно, поскольку любой спектакль – это всегда картина дня.

– Сейчас, насколько я знаю, вы ставите спектакль о жизни Сальвадора Дали...

– Да, несколько лет назад я побывал в Фингейросе и понял, что не успокоюсь до тех пор, пока не поставлю спектакль об этом фантастическом художнике-сюрреалисте. Прочитал множество книг, сочинил фэбалу, теперь работаем над декорациями и

костюмами. Правда, жизнь Сальвадора настолько необычна, что я решил отказаться от биографического повествования. Это будут сны Дали, поскольку сам он считал сон важнейшим художественным актом и любил их разгадывать. Ведь для того чтобы совершить кругосветное путешествие, совершенно необязательно втыкать вилку в розетку, выключать компьютер или летать на воздухоплавательных аппаратах. Достаточно лечь в свою постель и закрыть глаза...

– Мысль можно продолжить: чтобы понять что-то про себя, достаточно купить билет и прийти в театр. Вы замечали, как театр меняет зрителя?

«После нашего спектакля «Ночь нежна» женщина проехала несколько остановок в метро. Другую на «скорой помощи» увезли, поскольку она за время действия иначе взглянула на собственную жизнь»

– Сколько угодно таких примеров могу привести. Скажем, после нашего спектакля «Ночь нежна» женщина проехала несколько остановок в метро. Другую на «скорой помощи» увезли, поскольку она за время действия иначе взглянула на собственную жизнь. Театр, как известно, открывает человека человеку – старая истина. Он может возвышаться над проблемами или, наоборот, давать толчок к раздумьям – любой результат хорош, кроме одного – когда зритель остается равнодушным.

А равнодушным он остается лишь в том случае, если скучными руками спектакль сделан. Это к вопросу о режиссерском нюхе. Например, когда мы ставили «Ночь нежна», долго не могли подобрать к нему музыку. И вдруг в три часа ночи Асаф Фараджев мне звонит (дружба, как вы понимаете, понятие круглосуточное) и говорит: «Ты знаешь, у меня родилось» – «Включай». И он включает мне певицу Мерседес Соса. Я спрашиваю: «А почему музыка испанская, у нас ведь в спектакле американцы?» Он говорит: «Да какая разница: ты послушай, как мелодия точно отражает суть постановки». И он оказался прав. Спектакль идет 17-й год, и до сих пор Мерседес Соса всех «ломает».

– У вас на сайте написано, что вы категорически не приемлете «бытовой реализм». Я хотел спросить: а что имеется в виду?

– Реализм не люблю потому, что слишком в нем изнуряюсь. Предпочитаю фантастику – она базируется на реальности, но в ней нет пределов – никто никаких заборов не ставит. Поэтому когда 20 лет назад я составлял программу своего театра, решил, что это будет театр «реалистической фантастики». Хотелось как-то разнообразить театральную карту столицы. Ведь можно сколько угодно ставить «в традициях» репертурную классику, но где-то должно быть место отчасти хулиганское,

отчасти экспериментальное, чтобы публика могла прийти и почувствовать себя как бы на другой планете.

Поэтому у нас появились такие режиссеры, как Наталья Когут, которая сделала женский спектакль «Гамлет. Точка G», где одни только девушки играют. Классные девчонки, выглядят замечательно, мужиков вообще в спектакле нет.

А болгарка Лилия Абаджиева тут же в пику ей поставила на нашей сцене «Ромео и Джульетту», где одни только мужики. Спектакль объехал 9 фестивалей и всюду завоевал первые места. Мне говорили: «Это не русский спектакль». Но почему не русский? Он ведь в русском театре идет.

– С Театром Луны многие режиссеры сотрудничают, но окончательное решение всегда за вами. А как вы решаете, что подходит по формату вашему театру, а что – нет?

– Ответ прост: если работа сделана талантливо, то это наш формат. Хоть про мальчишка-с-пальчика ставьте – главное, чтобы не скучно было.

– В таком случае, бывают ли у вас моменты отчаяния, ведь за 20 лет руководства компас, наверное, терялся не раз?

– Всякое бывало, поэтому я с некоторых пор стал писать пьесы. Та комбинация, которую предлагают наши драматурги, мне не нравится.

– Просто она, видимо, не укладывается в концепцию вашего театра...

– Она не подходит лично мне как режиссеру и как зрителю. А началось это со спектакля «Ночь нежна», в основе которого была не совсем удачная инсценировка. И я, не имея никакого опыта, сел за письменный стол и начал докручивать, комбинировать это произведение. В итоге получилось произведение, на которое по нынешний день раскупают билеты. Но вторую «Джоконду» просто так не нарисовать.

– Потому что легче стать чемпионом, чем удержать эту планку..

– Совершенно верно. И ты начинаешь все последующие спектакли мерить успехом предыдущего. Так и работаем.

– На ошибку худрук имеет право?

– В этом отношении мне нравится опыт Голландии. Там если поставишь плохой спектакль, тебе скажут: «Ничего страшного, поставьте другой». Но если и другой окажется провальным, то тебе дают волчий билет и не пускают больше к театру. У нас же в стране можно всю жизнь ставить весьма средние спектакли, и поэтому общий уровень искусства усредняется. Ну, как это обычно бывает? Кто-то кого-то попросил, дал денег, привел товарища и так далее. Впрочем, в Театре Луны подобных вещей мы не допускаем – наверное, поэтому 20 лет подряд у нас аншлаги.

Нельзя публику за дураков держать, как делает наше телевидение. И уникальность репертурного театра как раз в том заключается, что человек, идя на спектакль, осознанно делает свой выбор: он отмерил от дома к театру множество шагов, чтобы посмотреть именно этот спектакль.

Но все же и театры порой забывают о своем высоком предназначении. Я нечасто хожу к коллегам, но тут пригласили на премьеру в один очень хороший столичный театр, говорят: у нас режиссер из Прибалтики поставил что-то грандиозное – приходи посмотри. Я пошел. Сажу в зале и понимаю, что спектакль о том, что русские пьяницы и дураки. Ну чего ты ставишь такой спектакль, причем, в России? Это все равно что мы поедем на гастроли в Прибалтику и закричим на весь мир: мы идиоты. Мне стало противно, я ушел в антракте, они на меня обиделись и больше не зовут.

– В последнее время в целом ряде российских театров случились актерские бунты. Вы следите за этой ситуацией? Почему это происходит?

– Это происходит только в том случае, когда артисты остаются без дела, а художественный уровень театра откатывается назад в пятидесятые годы. Это первая причина. А вторая причина – в том, что главные режиссеры стали работать на себя, на коммерцию – ставят кассовые комедии, думают только о развлечении публики. Но артисты ведь устают от подобных постановок – им хочется серьезной работы. И вот

Справка

Сергей Проханов, актер, режиссер, художественный руководитель Театра Луны, который основал в 1993 году на собственные средства. Родился в 1952 году в Москве. В 1974 году закончил Театральное училище им. Б. В. Щукина (курс В. К. Львовой) и поступил в труппу Театра имени Моссовета. В 1981 году, сыграв Сашку в одноименном спектакле по повести Кондратьева, режиссера Г. Черняховского, Проханов заявил о себе как о серьезном и талантливом актере. В тот же период на экраны вышли киноленты «Усатый нянь», «Молодая жена» и «Трижды о любви», где у Проханова были центральные роли. На сцене Театра Луны поставил несколько десятков спектаклей. Народный артист России.

В ГЛАВНОЙ РОЛИ

чтобы бунты не случались, необходимо правильно расставить акценты в работе с труппой – не давать ей скучать.

– Возможно я ошибаюсь, но у меня впечатление, что работа худрука ограничила вашу киношную деятельность. Это так или ничего толкового просто не предлагают?

– После фильма «Гений», когда я, Смоктуновский и Абдулов выпили по рюмке в кинотеатре «Россия», я сказал: «Больше сниматься не буду».

– Почему?

– Потому что очень чувствовалось наступление новых времен. Уже на следующий день после премьеры кинотеатр закрывался, а в половине из них были сделаны мебельные магазины. И кому это кино было нужно?

Свою дочь я не пустил в эту сферу – она живет за границей, стала мисс Канары.

– Но ведь прошло время, и кинотеатры заработали снова. И роли, наверное, новые вам предлагают...

– А я все равно не хочу сниматься, потому что за 20 лет руководства театром я прикипел к нему всей душой – хочется глубоких, серьезных ролей, а не какого-нибудь мента в сериале играть.

– А нет ли обиды, что для широкой зрительской аудитории вы запомнитесь по тем фильмам, с которых начиналась ваша актерская популярность?

– Никакой. У нас театр давно завоевал новую публику – много молодежи, которая и не знала меня по советским фильмам. Но они знают, что если

пойти к Проханову, будет интересно. Причем это естественный процесс. Я ведь почти не общаюсь с прессой, мы не тянем за руку критиков...

– Это каждый худрук говорит.

– Почему каждый?

– Многие...

– И тем не менее лучшие критики – это сами зрители. Если к спектаклю падает спрос – мы его тут же снимаем. На мой

взгляд самое главное – уметь организовать олимпиаду, влезть в нее. И дело пойдет своим ходом. Вот сейчас готовится спектакль про Сальвадора Дали. Это невероятное испытание, серьезный риск. Но если публика его оценит, я буду считать, что последние несколько лет своей жизни трудился правильно.

Михаил Стоцкий

Фото: Анатолий Морковкин

«Если работа сделана талантливо, то это наш формат. Хоть про мальчика-с-пальчика ставьте – главное, чтобы не скучно было»

